

К ГЕНЕЗИСУ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ*

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ РОЙЗЕНЗОН (Самарканд)

Одной из важнейших задач изучения древнеславянского синтаксиса является, по мнению доц. Я. Бауэра, „установление целой системы сложного предложения, как она отражается в древнейших памятниках“¹ (подчеркнуто нами — Л. Р.). При современном состоянии науки такая задача пока вряд ли осуществима, так как всестороннее изучение всех древних памятников славянских языков еще далеко не завершено, а именно последние являются единственными источниками, откуда могут быть почерпнуты достоверные данные о более древних стадиях развития сложного предложения задолго до появления у славян письменности, ибо, как правильно заметил акад. Б. Гавранек, „starý útvar nezaniká, nýbrž setrvává v jazycse, a nový útvar tvoří jistou nadstavbu... V morfológii můžeme mluvit o přežitcích, ale v syntaxi si musíme být vědomi toho, že určité ‚primitivní‘ syntaktické typy nejsou jen přežitky, ale jsou stále platné a živé.“²

Данное замечание акад. Гавранка заслуживает серьезного внимания, ибо оно дает правильную ориентацию в сложных вопросах истории славянского синтаксиса. В частности, из него можно сделать вывод, что для изучения закономерностей развития славянского гипотаксиса и партаксиса большое значение (помимо всего прочего) имеет вопрос о выявлении архаических конструкций, встречающихся в древних и современных славянских языках, что могло бы способствовать воссозданию картины генезиса праславянского синтаксиса вообще, и сложного предложения в частности. А между тем этому вопросу уделено недостаточное внимание. Нельзя сказать, чтобы языковеды, занимающиеся историей сложных предложений в славянских языках, не останавливались на архаических

---

* Doc. L. I. Rojzenzon se nemohl konference zúčastnit; proto referát nepřednesl. (Pozn. red.)

¹ Ярослав Бауэр, Проблема реконструкции праславянского сложного предложения, Sborník fil. fak. Brno, 1958, A 6, 44.

² См. В. Havránek, *Metodická problematika historickosrovnávacího studia slovanské syntaxe*, Československé přednášky pro IV. mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě, Praha 1958, 153.

конструкциях, встречающихся в древних памятниках (ср. работы Борковского, Каратаевой, Качевской, Бауэра и др.), но выявление архаических элементов в строе сложного предложения может лишь тогда иметь научную ценность, если будет произведен сравнительный (сопоставительный) анализ архаических черт некоторых или всех древних славянских языков, если будет определен их удельный вес в каждом языке и будет установлена хотя бы определенная иерархия этих образований. Все это должно в конце концов привести к установлению относительной хронологии различных типов сложных предложений, без которой история сложного предложения — скорее собрание всевозможных конструкций, нежели действительная их история как определенной синтаксической системы, ибо речь идет, повторяем, не о простой инвентаризации архаических конструкций, а об определении места, которое занимает каждая такая архаическая конструкция в общей системе древних сложных предложений.

Как показывают наблюдения, архаические черты различных славянских языков нередко оказываются похожими или даже идентичными, что позволяет предполагать, что данные явления выходят за рамки одного языка, а это, в свою очередь, дает возможность заглянуть вглубь истории развития сложных предложений и выявить некоторые общие закономерности их эволюции.

Многие архаические конструкции, встречающиеся в древнерусском, древнепольском и других древних языках, имеют место и в древнечешском, а также в древнелужицком, несмотря на то, что памятники письменности последнего довольно позднего происхождения. Приведем некоторые примеры. В памятниках чешского языка локальный союз, переосмысленный впоследствии в темпоральный, нередко еще выступает в своем первоначальном значении. Ср. *napíši číslo dotud, dokud najděle kapitola jest psána* (Hus Erb 1, 362).³ Ср. в др. русском: *а покаместа речка Непложа, потаместа и владычня земля* (Писцовые книги Рязанского края, 1594—98 гг.).⁴ Вместе с тем в древних памятниках немало случаев, когда локальный союз употребляется в темпоральном значении. Ср. в древнечешском: *nebo dieše k času tomu, kdež bě pěče ne o domu...* (Alx V). Заметим, что данная черта и по сей день встречается в верхнелужицком языке. Ср. *Mjeno Sorabija je drje so wokolo lěta 1860 do Sorabicum přeměnilo a to w času, hdžež běchu malo narodozmysleni Serbjo w Lipsku* (A. Muka).⁵

Во многих древних славянских языках относительное слово выступает

³ Пример заимствован из книги Я. Бауэра, *Vývoj českého souvětí*, Praha 1960.

⁴ Пример заимствован из статьи Э. И. Каратаевой, Временное сложноподчиненное предложение, Вестник ЛГУ, 1953, 6, 75.

⁵ Ср. еще: *Jan je so w času, hdžež je zaso doma, derje zhrabał* (K. Krjenc, Jan, 107).

в роли абсолютного релятива. Ср. в древнелужицком: *ja cu iemu ienu pomocnicu schcinicz, kisch wokolo neho budze* (Katechismus des Warichius, 1597, A, 74), В древнечешском: *a proto Maria... dobrú jest částku vyvolila, jenž jiej nižádný neotejme* (Otc B, 64a). Я. Бауэр (Vývoj českého souvětí, 209) считает, что распространение абсолютных релятивов характерно для разговорного языка, тогда как письменный язык отдает предпочтение согласованным релятивам. Этим, собственно, объясняется, по его мнению, почему в древнечешском языке абсолютные релятивы относительно редки. Но тогда как объяснить наличие большого количества абсолютных релятивов в старолужицких памятниках, которые в большинстве своем являются переводными и, следовательно, находятся под известным влиянием немецкого книжного языка? Ср. *Ale tym kisch me lubuju a moje kasni dzerscha, czinu ja dobrotu do townsent stawoch* (Katechismus des Warichius, A, 74); *My prohssemy was lubi bratβjo so byschže posnali tych, kisch so nad wami prozuju...* (там же, B, 101). Очевидно, этот вопрос требует дальнейшего изучения на более широком сравнительном материале.

Древние памятники знают еще конструкции, в которых сочинительные союзы выступают в таких значениях, которые в современных языках обычно выражаются подчинительными союзами. Ср. в древнечешском: *druhú noc mně, a já spím, slavný Jeronimus zjěviv sě u viděni, mnoho velikých věcí mně jest zjěvil* (Jeron., 74). В древнерусском: *a (= когда) с пыток купцы не сговорят, и против того пытали корчемников* (Уложение царя Ал. Мих.).⁶

Известно, что некоторые типы сложных предложений возникли путем сочетания конструкций различных модальных планов в единое синтаксическое целое. Памятники славянских языков нередко еще содержат такие вопросительно-ответные конструкции. Ср. в древнелужицком: *chto ie mesy wami mudry a rozsumny? ten wopokasch s iogo dobrim obcowaniem swoie skutky...* (M. Jakubica, Nowy zakon, 20); *jesly pak nechto dobreje wuole? ten nech spiwa psalmy* (там же, 23).

На известной стадии развития гипотаксиса из-за отсутствия четких средств синтаксической коммуникации и омонимичности многих союзов одна и та же конструкция нередко еще совмещает несколько значений, отсюда возникают смешанные типы предложений. Так, например, смешанные (гибридные) типы определительно-временных придаточных можно встретить в древнечешских и древнерусских памятниках. Ср. в древнерусском: *да от того ж смутного времени, как приходили воровские люди к царю..., царица... лежала в болезни болшии году* (Котошихин, О России в царствование Ал. Мих.). В древнечешском: *v tu hodinu, ješto ku primě*

⁶ См. Э. И. Каратаева, указ. соч., 73.

zvonie (Řád zem, 66); *od toho dne, jež pónon byl svědčen* (Rožmb., 76); *nebo by juž na téj době, jakož mu třeba po sobě bieše ostaviti hlavu* (Alx V, 91); *a v tu hodinu, v nižto duchovné panny zpievachu, do kapitoly vendúc, až do krve prolitie metlami sě ztepieše* (Živ. sv. Hedv.) *času toho, jehožto běch ostal s tiem... Ludvíkem..., učinichu... smlúvu proti mně* (Živ. cí. Karla IV).

Любопытно, что такие типы сохранились в некоторых славянских языках, в частности, в верхнелужицком. Ср. *Tón čas pak, w kotrymž Cybn-jeny Pětr tak wulke wěcy dokonjať běše, rudziachu so doma jeho staršej a bratřa* (Serb. bajе).

Среди гибридных типов придаточных довольно часто в древности выступают условно-временные конструкции, которые, кстати, не изжиты и до сих пор. Ср. в древнечешском: *a protož věz, kdyžkoli kto právo ustoje na kom, bude na jeho dědiny zveden ze škod..., tehdy věz, žeť s ním to právo umře* (Ondřej, Výklad). Ср. в совр. русском: *Какое право я имею судить о других, когда я сам нуждаюсь в снисхождении* (Тургенев, Дворянское гнездо).

Не следует забывать, что архаические черты в различных языках могут явиться следствием параллельного их развития или результатом действия одинаковых тенденций, которые возникли независимо друг от друга, иногда в различные эпохи (об этом см. ниже). Кроме того, нужно строго разграничивать архаические черты, общие всем или многим славянским языкам (следовательно, черты, предполагающие наличие в древнейшем славянском языке единых исходных архаических конструкций), и архаические черты, появившиеся на почве отдельных славянских языков и, таким образом, характеризующие развитие сложного предложения только данного языка. Так, например, в древнелужицком языке *zo* может выражать значение цели без помощи тех специальных средств, которые являются обязательными в целевых конструкциях современных славянских языков. Ср. в *Katechismus des Warichius*, в списке А: *... budz so mnu, scho ton sle nepschaczel schanej moace na mni nenamaka* (76). В других списках этого памятника: *... so by ton sly něpschjaczel žaneje mohze na mni něnamakal* (76).

Приведем архаическую конструкцию несколько иного характера. В истории темпоральных конструкций чешского языка, как известно, выделяется стадия образования сложных союзов, (ср. *hned jakž, jakž hned, jakž brzo* и др.), но в то же время там встречаются конструкции, главная часть которых еще не может обходиться без специализированного временного коррелята, несмотря на то что этот коррелят часто уже входит в состав сложного союза как его составной компонент (а сам сложный союз располагается в таких случаях в придаточной части конструкции). Ср. *jakž hned voda počne opadati a dešťové přestanú, hned k JMti pojedu* (Arch. Palack., I, 333, 1507).

Такого рода конструкции позволяют уже установить определенную последовательность образования тех или иных конкретных типов сложного предложения, то есть воссоздать более объективную их историю.

А вот пример, характеризующий развитие древнечешских темпоральных конструкций в другой период их истории. Ср.: *tehdy když se oba udáta, tehda se právem oba dědiny držita na nej dědine* (Arch. Palack. I, 480); *a tu když je opatřichom i mějiechom žádost s nimi přebývati velikú, tu jeden z nich velmi slovnú pústenník...* (Otc, 271); *tehdy kdy poslední vozy púšťěl na zad, tehdy obořili se Uhři* (Žižk. taž).

То, что коррелят уже свободно может перейти из главного в придаточное и стать впереди союза, говорит о том, что мы имеем дело с таким периодом истории сложных предложений, когда старый тип с его „жесткой“, закрепленной конструкцией, построенной по формуле „*když...*, *tehdy*“, трансформируется. В то же время наличие в главном второго коррелята (*tehdy, tu*) говорит о том, что процесс перехода от одного состояния к другому еще не завершен: старое качество, таким образом, еще уживается с новым.

Очевидно, что в истории каждого конкретного языка имели место свои специфические черты, часто неизвестные другим языкам. Поэтому следует четко отграничить архаизмы одного языка от архаизмов, присущих многим языкам.⁷

Важным представляется также установление удельного веса той или иной архаической конструкции во всей синтаксической системе данного языка. Так, например, известно, что в древнерусском языке встречаются многочисленные архаические предложения, в которых определяемое слово главного повторяется и в придаточном (обычно после относительного слова, причем повторение может носить различный характер: повторяемое слово может быть абсолютно идентично с определяемым словом; вместо повторяемого слова в придаточном может выступать синоним определяемого слова и т. д.). Такие архаические конструкции древнерусский язык знает, начиная с древнейших памятников и кончая довольно поздними произведениями 17 века. Ср. в Лаврентьевской летописи: *в си же времена быс детище вверженъ востомль, его же детища выволокоша рыболове в неводе* (6572 г.). Или: *в лет 6545 заложу Ярославль городъ великий, у него же града суть Златая врата*. В памятниках 17 века: *а которые плотники по моему казу присланы были из вотчин моих к Москве и те все плотники с Москвы в вотчины отпущены* (Хозяйство б. Морозова, Грамота прикащикам, 1659 г., стр. 33).⁸

---

⁷ Ср. в древнечешском: *neb tak brzo, jakž s svú pannú v dom vstúpi, tak brzo potřeba jej ta nadstúpi* (Jež. ml., Výb. I, 396).

Аналогичные конструкции знают и памятники чешского языка: *před jedno město přijel, před nímžto městem bylo jedno veliké jezero* (Pas. MA); *a tu v jedné jěskyni... přebýval, v niejžto jěskyni tisíc dáblov tajně přebýváše* (Pas. MB).⁹ Но встречаются такие предложения в древнечешском языке крайне редко.¹⁰ Следовательно, если и предполагать наличие в древности единой исходной тенденции, то нужно констатировать, что она получила совершенно различное развитие: в русском языке она еще долго является тем мостом, который связывает сложные предложения двух различных стадий развития, тогда как в чешском языке такие конструкции, по-видимому, не затронули сущности самого процесса становления гипотаксиса.

Примером нереализованной тенденции могут служить конструкции древнечешского языка с большим числом определительных придаточных, следующих друг за другом. Ср. *jeden sloul Jakob von Hunpis, který potom v šarvátce, kterou jsme s Turky měli na moři, jest zastřelen...* (Cest Prei 43);¹¹ *a já teprva do navi plavil se v neděli ráno na lodičce, která slove kundle, na kterýchžto lodičkách sem i tam po městě Benátkách se vozí* (Cest Prei 26). В современном чешском языке такие предложения встречаются редко. Другое дело, в лужицком языке. Аналогичные примеры мы встречаем уже в памятниках древнелужицкой письменности. Ср.: *ten, kotory pochybuje, ten ie porownany wolnam morskim, kotore wod wetra gnute a hin a haw gnate bude* (M. Jakubica, Nowy zakon, 16). Впоследствии такие конструкции не только не исчезли, как в чешском, но, судя по всему, получили дальнейшее развитие. Во всяком случае, в произведениях современной верхнелужицкой литературы их огромное количество. Ср. *Je mały dzieł, kotryž wěri frazam NS-oficěrow wo dźiwje brónjow, kotrež budie slawny vjednik zasa-dźeć...* (K. Krjenc, Jan, 8). *Z nich najwuznamniši był Čornobóh, kotryž je po jich wěrje měl swoje tajne sydliščo na susodnej horje, kotrež tohodla tež dachu mjeno tutoho swojeho boha, ke kotremuž so wosebje w časach nuzy a narodneje bědy modlachu a kotremuž woprowachu, kak so w tutych časach Serbja z cyleje Lužicy k zhromadnym wuradiowanjam hromadźachu na horje před Čornobohom, kotraž tohodla hišće džens nosy swoje mjeno Hromadnik* (K. Krjenc, Jan, 127).

⁸ См. работу Э. И. Каратаевой, *Союзное подчинение в русском литературном языке второй половины 17 ст.*, Вестник ЛГУ, 1952, 8.

⁹ Известны такие конструкции и памятникам староукраинского языка. Ср., *продалам керунть свой власный... пану полковнику лубенскому за сумму певную таларей десять, от которых керунтовъ отдаливши себе и потомство мое, продаю южь во вечность* (Книги пиратинские, 1699 г., Стороженки фамильный архив, т. 4, Киев, 1908).

¹⁰ Ср. в древнелужицком: *ale ty chto sy, koji ty iednego chinego sudnisch?* (M. Jakubica, Nowy zakon, см. Der Brief des Jakobus [1548], Leipzig 1867).

¹¹ Этот и следующий пример из книги Я. Бауэра, *Vývoj českého souvětí*, 43.

Следовательно, одни и те же тенденции могут получить различное развитие на почве разных языков: одни тенденции развиваются и приводят к изменению языкового качества, другие же — остаются нереализованными.

Выявление и лингвистическая интерпретация архаических черт в области гипотаксиса и паратаксиса может лишь тогда принести пользу изучению древнейшей истории славянских сложных предложений, если будет установлена хотя бы определенная последовательность их эволюции. Это значит, что каждая архаическая конструкция должна рассматриваться как принадлежность определенной эпохи становления сложного предложения. Так, например, в системе архаических цепочных конструкций можно выделить три типа: а) бессоюзные конструкции (ср. *jmámu zemi po svéj vůli, budú nám zde plni stoli, zvěři, ptákov, ryb, včel dosti, ot nepřátel tvrda dosti* (Dalimil),¹² б) Союзные конструкции, части которых связываются при помощи сочинительных союзов¹³ (ср. в древнерусском: *ныне мы в правую сторону к острову Дымудырдуцу, а на том де острову живут города Лимборны..., а приезжают де на тот остров из города Лимборны..., а владеют де тем островом... князь, а кто именем князь, того они не ведают.*¹⁴ Функция таких союзов еще неопределенна. Это скорее знаки расчленения большой цепи высказываний-сообщений на более короткие речевые отрезки, нежели действительные союзы в современном понимании этого термина. в) Конструкции, части которых включают в свой состав знаменательные слова (наречия, местоимения, частицы), посредством которых устанавливается смысловая связь между частями предложения. Ср. *tehdy král Uherský v Moravu vejde, kníže Svato-pluk proti němu pójde* (Dalimil); *tehdy se sta v tu dobu, on poče se raditi sám s sobú* (Alx); *tehdy se v tu vlast uvieže, hlúbe tam před se potěže* (Alx); *to povědě v svéj truchlosti, hned se k ně(m)u člunek zprosti* (Hrad, 10a). В древнерусском: *и си цари минут и патриархы, тогда Царюграду скончание будет* (Описание Константинополя, XIV ст.); *по дву же неделях постави епископа Суздаю Митрофана на Беляницево, тогда уже бе митрополит Куприян болен* (см. В. М. Покровский, Предложения с временными союзами в памятниках XVI—XVII вв., Автореф. канд. дисс., Москва 1954, 4—5).

Несомненно, что самыми древними являются бессоюзные предложения нанизывания, и только затем, видимо, возникли конструкции, в которых

¹² Данный пример приводится также в статье Б. Гавранка, *Textová kritika a primitivní typu spojování vět v staré češtině*, Studie ze slovanské jazykovědy, Praha, 1958, 54.

¹³ Ср. в древнечешском: *své matěře synu kladls úraz, a já sem mlčal, a ty to činíš* (Štít).

¹⁴ „Статейный список Вас. Лихачева“. См. Э. Каратаева, Союзное подчинение, 103—104.

какие-то знаменательные слова начали постепенно выступать как конкретизаторы смысловых отношений между частями предложения, а также конструкции, части которых получили синтаксические скрепы — формальные знаки расчленения.

Естественно, что существовало очень много переходных, смешанных типов сцеплений частей единого синтаксического целого. Эти типы еще длительное время продолжают функционировать (правда, уже на правах синтаксических архаизмов), в отдельных славянских языках.

Так, например, в определительных сконструкциях определяемое слово главного, по всей вероятности, находилось первоначально не в самом его конце, т. е. на границе с придаточным в непосредственной близости к соотносительному слову (что отражает более раннюю стадию становления данного типа предложений, когда связь главного с придаточным через соотношение его определяемого слова с коррелятом придаточного еще очень слабая). Очевидно, последующей стадией и явилось укрепление этих связей путем непосредственной передвижки определяемого слова главного к границе придаточного. Ср. в древнечешском: *zastřeliti jelen chtieše, jenž před ním nedaleko tečieše* (Hrad, 5b); в древнелужицком: *k-zeczemu da budže won schak tejsch czěrta wokolo sebe mjecz, kotryž jemu se swojem lžanjom a mordowanjom... wostawicz něbudže...* (Katechismus des Warichius, 106).

Все это говорит о том, что прямолинейное выведение гипотаксиса из паратаксиса не может охватить всех типов сложных предложений и объяснить их происхождение. Если гипотаксис и возник на базе паратаксиса (что аксиоматически признается большинством исследователей),¹⁶ то это касается далеко не всех, а лишь каких-то определенных конкретных типов сложного предложения или даже отдельных разновидностей тех или иных его типов. Мы полностью присоединяемся к высказыванию акад. Б. Гавранка, что многие паратактические конструкции „nejsou o nic více a o nic méně složité než výstavba souvětí hypotaktických“ и что „ve výstavbě parataktických souvětí jde leckdy o složité vztahy (stupňování, vylučování..., vztahy důvodové, důsledkové atd.), jemně diferencované a jasně vyjádřené speciálními výrazovými prostředky, které mají s běžně chápanou parataxi jako útvar primitivní často velmi málo společného“ (Metodická problematika historickosrovnávacího studia slovanské syntaxe [these], Československé přednášky pro IV. mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě, Praha 1958, 154).

---

¹⁶ Я. А. Спринчак считает развитие гипотаксиса на основе паратаксиса одним из основных законов синтаксиса. См. Очерк русского исторического синтаксиса, Киев, 1960 г., 25.

Кстати, существуют ли такие памятники письменности, в которых был бы паратакис, но отсутствовал бы гипотаксис? И еще. Нам кажется сильно преувеличенным мнение о том, что для народного и диалектного языка гипотаксис не характерен. В чешском языкознании этому вопросу специально посвящены две работы. Я имею в виду статью К. Эрбана, *K parataxi v řeči lidové*, NŘ 20, 1936, 173—177 и статью Й. Галлера, *Parataxe a hypotaxe v lidovém jazyce*, LF 58, 1931, 28—38, 132—149.

Оба автора отстаивают положение о нехарактерности гипотаксиса для народного языка, но приводимый ими фактический материал (особенно в статье Галлера) часто говорит об обратном: там, где есть паратакис, существуют и функционируют гипотаксические конструкции, хотя в количественном отношении они и уступают паратактическим предложениям. Наблюдения над народной и диалектной речью говорят о том, что в этих стилистических разновидностях языка постоянно употребляются определенные типы придаточных, без которых очень трудно осуществлять речевую коммуникацию (ср. придаточные определительные, времени и др.).

Высказанная акад. В. В. Виноградовым мысль о том, что „было бы осторожнее вместо сочинения и подчинения предложений говорить (как это предлагал акад. А. А. Шахматов) о разных видах сцепления предложений и о разных степенях их зависимости...“ может еще в большей степени быть распространена и на конструкции, характерные для древних стадий развития языка, когда архаических, а также смешанных, переходных предложений было значительно больше, чем в современном языке. Все это говорит о том, что настало время пересмотреть некоторые традиционные взгляды на историю развития сложных предложений, на соотношение паратакиса и гипотаксиса.

Многие факты говорят о том, что возникновение сложных типов предложений — гипотактических и паратактических — значительно сложнее, чем это обычно принято думать. Вот некоторые факты. Давно замечено, что во многих языках (славянских и неславянских) имела место замена относительно-указательных союзных конструкций соответствующими конструкциями с вопросительными союзными элементами. Однако, какова действительная причина такой замены — до сих пор неизвестно. Не ясно, в какой связи с данным явлением находятся факты наличия в древних языках (а также в архаических говорах) конструкций с двумя указательными элементами (в первой и во второй частях предложения), вместо одного вопросительного и одного указательного элемента. Ср. в чешском: *Tak si usteleš, tak si lehneš*,¹⁶ ср. в древнерусском: *так в другореть погнал*,

¹⁶ См. Fr. Kopečný, *Základy české skladby*, Praha 1952.

так понеслось одно утя (Письма царя Ал. Мих.) (здесь первое так — как, когда).¹⁷

На наш взгляд, нужно перейти от общих теорий происхождения сложных предложений к конкретной истории возникновения каждого отдельного типа, а в некоторых случаях — отдельных разновидностей, хотя это вовсе не означает, что не должны предприниматься попытки создания общих теорий сложных предложений.¹⁸ Приведем некоторые примеры из истории происхождения отдельных типов сложных предложений. В истории славянских языков известны факты возникновения целой группы различных конструкций на базе сравнения (т. е. на основе опорных сравнительных элементов в обеих частях сложной синтаксической структуры). Ср., например, возникновение предложений по структурной модели *jak(ž)..., tak(ž)*: *a jakž to vidie, tak se tvář jejie počē potiti...* (Otc, 304); *a jakž to dievka učini, tak se jej nohy zahřiechu* (Živ. sv. Hedv.). Затем в языке появляются конструкции следующего типа: *a jakž všickni křestěné vecechu amen, tak inhed Siziñius ohlechl i osnul* (Leg sv. Klim). Видимо, параллельно шел процесс развития той же конструкции, но наречный элемент, выражавший идею быстрого наступления действия, включался не в постпозитивную, а в препозитивную часть. Ср. *a jakžto brzo povědě, tak žena očima vzhledě...* (Leg sv. Prokop). Контаминация обоих типов привела к возникновению следующего типа предложений: *a jakž brzo to povědě, tak brzo z mrtvých vsta to dietě* (Ježiš. ml.); *a jakž brzo to dietě v Ježišově kúpěli zmychu, tak inhed zby svého neduhu* (Ježiš. ml. 403).

Одновременно с этим шел процесс складывания и других типов сложно-временных конструкций. Ср. *a když to vecě, tehdy inhed ta usličná diabelská potvora zhyne...* (Otc, 417).

Другой пример. В истории чешского и других славянских языков известен период, когда временные предложения строятся по формуле *když... , tehdy*. Однако со временем старая структурная формула, старые структурные отношения нарушаются. В главную часть конструкции (несмотря на то, что там уже наличествует одно соотносительное слово), включается еще один коррелят, призванный конкретизировать семантику всего предложения. Ср. *a když sestra má umřela, tehda potom p. Hájek brzo umřel* (Arch. Palack., I); *a to když komorník sezná, tehda teprv potom jmá jíti trojī, jakož právo* (Arch. Palack., I, 490, 1394).

Как показывает анализ, архаические элементы, как правило, встре-

¹⁷ См. Э. И. Каратаева, Временное сложноподчиненное предложение ...

¹⁸ Полагаем, что только после обстоятельного и всестороннего изучения всех древних и современных сложных конструкций создадутся необходимые условия для создания общей теории развития сложных предложений.

чаются не во всех, а лишь в отдельных стилистических разновидностях данного языка. Так, например, *gdy* выступает в польских литургических памятниках, но в юридических элементах первое место принадлежит более новому союзу *kiedy*. В древнечешском языке определительные конструкции с союзом *jakož(to)* встречаются только в тех речевых стилях, которые больше всего связаны с элементами чисто народного языка.¹⁹ Еще один пример: конструкции с повторением определяемого существительного имеют место не во всех поздних памятниках письменности русского языка, а лишь в некоторых и, прежде всего, в деловой письменности. Ср. *А которая конопат пенка бударная есть в Азове... и та конопат не годится*²⁰. Все это, в свою очередь, выдвигает вопрос о необходимости всестороннего изучения сложного предложения отдельных стилистических разновидностей языка с последующим сопоставлением этих данных. При установлении последовательности развития различных конструкций сложных предложений необходимо также учесть и то, что сами типы сложных предложений появляются в языке не в одно время, а в различные эпохи. Известно, например, что придаточные сказуемые и подлежащие появились в языке позже некоторых других типов гипотактических конструкций. Многие крупнейшие исследователи, в том числе и А. Мейе, считают,²¹ что древнейшим типом сложноподчиненных предложений были, видимо, атрибутивные конструкции, известные индоевропейскому языку на ранних стадиях его развития. Не оспаривая данное положение, можно однако добавить, что к древнейшим типам следует отнести и ряд других типов, в том числе и темпоральные конструкции, зафиксированные во всех древнейших памятниках индоевропейских языков.

На основе обобщения данных об архаических чертах в области сложного предложения целесообразно, на наш взгляд, ввести в научный обиход (пусть даже на правах рабочей гипотезы) понятие о стадильном развитии сложного предложения вообще, и гипотаксиса и паратаксиса в частности. Пока еще трудно нарисовать стройную картину стадильного развития сложных предложений, так как не выявлены многие из сохранившихся в славянских языках архаические конструкции, детально не изучены функции древнейших союзов и союзных слов. Все это задачи ближайшего будущего. Еще труднее указать строгую историческую последовательность этих стадий. Однако наличие целого ряда таких стадий в истории сложных предложений славянских языков не вызывает сомнения:

а) Стадия цепочных, нерасчлененных бессоюзных конструкций;

¹⁹ Ср. *hrnec, jakožto jím hrách cedie* (Lék, 62a).

²⁰ З. Д. Попова, Виды синтаксических связей в „Азовской записной книге 1698 до 1699“, Воронеж, Автореферат канд. дисс., 1954, 15.

²¹ Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1935, 38.

б) Стадия омонимических союзов, когда союзов в языке еще очень мало, и они являются прежде всего формальными знаками определенного типа синтаксической связи предложений — сочинения или подчинения, причем каждый союз обладает не одним, а целым рядом значений, а некоторые союзы буквально всезначны (ср. *яко* в древнерусском языке, *že*, *an(o)* в древнечешском языке и т. д.); в) Стадия многосоюзия, характерная для периода, когда происходит консолидация и концентрация диалектов в единый общенародный язык, вследствие чего в языке определенное время функционируют различные параллельные конструкции с союзами-дублетами. Данный период характеризуется неустойчивостью системы союзов. Ср. древнечешские темпоральные союзы, выступающие приблизительно в одно и то же время: *doňad(ž)*, *doňud(ž)*, *doněd(ž)*, *doňod(ž)*, *donid(ž)*, *kdy(ž)*, *když(to)*, *kehdy(ž)*, *kehdyž(to)*.²² То же наблюдается в различных памятниках древнелужицкого языка. Ср. *kotory*, *kotary*, *kotery*, *kotry*. г) Стадия возникновения специализированных союзов, особенно сложных союзов. Ср. русские союзы *между тем как*, *тогда как*, *в то время как*, *несмотря на то что*, *перед тем как* и др. Такая стадия прослеживается почти у каждого славянского языка. Например, в чешском языке можно проследить, как возникали многие сложные союзы.

Рассмотрим кратко историю сложного союза *mezi tím co*. Первоначально в языке функционировали темпоральные образования типа *mezi těmy časy*. Ср. *mezi těmi pak časy na každém téměř kázání chtěl římskou stolicí čelem vyraziti* (Крон. Bart.). На их базе был затем образован сложный союз *mezi tím když*. Ср. в Хронике Бартоша: *mezi tím když psal... byl sněm položen*. В 19 столетии, когда союзы *když* и *jak* были во многих конструкциях вытеснены союзом *co*, союз *mezi tím, když* преобразовался в *mezi tím, co*. Другой пример. В древнечешском, древнепольском и древнерусском языках встречаются конструкции, связывающиеся при помощи сложных скреп, которые затем в польском и русском языках превратились в сложные союзы, а в чешском были вытеснены другими союзными образованиями. Такие союзы возникают из темпоральных сочетаний, широко функционировавших в языке. Ср. *v ty časy svatý Bekaláš apostol do Říma přišel; v ta doba sv. Petr to uslyšev...*; *v tu hodinu sv. Petr poče zaklínati...*; *v tu dobu sv. Kliment nevěda...*; *v ten čas Aquila a Wicela tu nebiešta* (все примеры из легенд XIV века). В древних памятниках такие темпоральные речения не сразу объединяются с *kdy(ž)* в сложный союз. Сначала оба компонента (речение и *kdy[ž]*) находятся в различных частях сложного предложения и не граничат. Ср. *a když to mějieše na mysli, v tu dobu dva lva proběžesta...*

²² В Žalt. Witt. *když, kdaž*, в Žalt. Klem. *kdyžto, kdažto*, в Živ. sv.. Otc в сп. ABCD — *dřiev než*, в сп. E — *prvé než*.

(Otc, 335); *a když na modlitbě ležíeše, v ten čas uzřě anděla u oltářě...* (Otc, 93).²³ И лишь затем происходит усиление корреляции, которая в конечном итоге и приводит к возникновению сложных союзов. Несомненно, что развитие одинаковых или схожих конструкций в славянских языках еще не свидетельствуют о наличии в древности единой тенденции, так как одинаковые конструкции могут возникнуть и параллельно, вследствие возникновения параллельных тенденций в различных языках.

Очевидно, что в некоторых случаях могут быть выделены такие характерные черты, функционирование которых затрагивает не одну, а ряд стадий. Так, например, в истории славянских языков легко прослеживается период, когда частица *ž(e)* становится формальным синтаксическим знаком подчинения. Причем, если в памятниках одной эпохи синтаксические скрепы выступают еще без *ž(e)*, то уже в последующий период в тех же памятниках мы повсюду встретим союзные образования, усиленные посредством *ž(e)*. Ср. в древнелужицком языке в списке А памятника *Katechismus des Warichius* — *preto*, а в более поздних списках — *pretož*. В древнечешском языке *donid* и *donidž*, *jak* и *jakž* и т. д.

Заметим, что процесс усиления формальных связующих синтаксических элементов затрагивает здесь две стадии в истории сложных предложений: стадию омонимических союзов и стадию специализированных союзов.

Таковы некоторые соображения о генезисе славянского сложного предложения.

---

²³ Ср. в древнепольском *Idy się najwięcej zbytnie ciało śmieje, najbardziej w ten czas święta mdleję* (Rej, Figliki, 12).